

A photograph of a wolf running through a snowy field. The wolf is in the center, facing forward, with its mouth slightly open and eyes looking towards the camera. The background is a blurred winter landscape with snow and some dark trees. The overall scene is bright and clear.

Шевченко А.П.

Волчий бег

Часть 2

Александр Шевченко

Волчий бег. Часть 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42648120

ISBN 9785449688545

Аннотация

Лучше миг, но звездою гореть, Чем столетье без пламени
тлеть. Если только бы было возможно Вновь родиться, чтоб вновь
умереть. Каждый тут выбирает свой путь, И судьбу не дано
обмануть. Если только бы было возможно Выбор тот нам снова
вернуть.

Содержание

Волчий бег. Часть 2	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Волчий бег

Часть 2

Александр Шевченко

© Александр Шевченко, 2019

ISBN 978-5-4496-8854-5 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-5237-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Волчий бег. Часть 2

Лучше миг, но звездою гореть,
Чем столетье без пламени тлеть.
Если только бы было возможно
Вновь родиться, чтоб вновь умереть.

Каждый тут выбирает свой путь,
И судьбу не дано обмануть.
Если только бы было возможно
Выбор тот нам снова вернуть.

Небылицы, небылицы,
Вам бы только сниться, сниться.
Вас не надо сочинять,
Вы в моем уме опять.

Вот промчались дорогой
По судьбинушке убогой.
Вот прикинулись рекой
И разлились здесь строкой.

Глядь, костром вдруг заискрили.
Может быть вы все же были?

Может были, может нет,
Но от вас я шлю привет

Всем, кто любит четкость слога
И душевность, хоть немного.
Ну, а душу дал мне Бог.
С нею жил я так как мог:

Честно или же не очень
Светлым днем и темной ночью
Средь врагов и близких лиц
В этом мире небылиц.

Я в прошлом вор – рецидивист,
Но все-таки душою чист,
Иду по жизни своенравною походкой.
А в чем подобного секрет?
Секрета не было и нет:
Я в Бога верил в каждой «ходке» и за «ходкой».

Все заповеди соблюдал,
Одну лишь лагерям отдал
За риск, за блат и за почет среди арестантов.
Там четко разделялась «масть»,
Тогда была другая власть,
Не то что ныне приблатненных дилетантов.

К чему же молодость губить
В местах, где могут бить, убить,
Где в карцерах на стенах лёд и днём не тает.
Советов гнёт уходит прочь,
Как мракобесовская ночь,
И «воровское» потихоньку улетает.

Лишь раз живем на свете мы,
Хоть от сумы и от тюрьмы
Заречься в этой жизни просто невозможно.
Но постарайтесь все же здесь
Иметь и доброту, и честь,
Хоть все вокруг порой враждебно и безбожно.

Так часто, часто, часто вспоминаю
И голос твой и зелень глаз твоих,
Что вдруг не смог не рассказать я маю,
Как мы любовь делили на троих.

Ах, месяц май, ты плут, как и октябрь,
Что свёл меня с любовью не моей.
Ах, месяц май, ты оправдай хотя бы
те наслажденья, что дарил я ей.

Поверь, как будто я в неё влюбился,
Так, видно было кем-то суждено.
Мой стыд приличья вдребезги разбился,
Не помогли ни разум, ни вино.

Встречались с нею чаще днём, а ночью
Ей муж в постели все, увы, прощал.
Измене дам замужних, между прочим,
Здесь не один хоть что-то посвящал.

И я сейчас бессовестно и складно
Про донжуанство дней своих пишу.
Ах, месяц май, прости, а в общем, ладно,
Я просто так прощение прошу.

Ведь ты и сам у дьявола во власти
И не одной ты голову вскружил,
И не одну перед мужскою страстью
Средь трын-травы на спину уложил.

Так часто, часто, часто вспоминаю
И голос твой и зелень глаз твоих,
Что вдруг не смог не рассказать я маю,
Как мы любовь делили на троих.

Вы смеетесь, вам весело очень,
не швыряла вас жизнь по углам.
По-секрету скажу, между прочим,
я был там, где находится хлам.

Да, я гость в вашем мире свободном,
мимоходом шутя здесь пройду
элементом, увы, неугодным
и похожим лицом на беду.

Только женщин и их наслажденья,
что порою встречаются мне
сквозь лихие мои похождения,
долго вижу в неволе во сне.

А сегодня плыву в вашем смехе.
А сегодня живу лишь для вас.
И судьбе – этой грязной помехе,
от души я сегодня дам в глаз!

Ты снова слезы льёшь? Напрасно.
Я не вернусь уже к тебе.
Другой отдамся резко, страстно
назло испачканной судьбе.

Забудусь в ласках, пусть фальшивых,
возможно зря, возможно зря
сожгу остаток дней паршивых,
мосты к бывшему разоря.

Умчусь туда где деньги платят
за тело женщин, за любовь.
С блудницей новой на кровати
блаженства рая выпью вновь.

А ты зачем-то плачешь, плачешь.
Глупышка! Наша жизнь – кино.
Бродягу не переиначишь,
таким он стал давным-давно.

Пустое время. Телефон молчит.
А сердце бьётся, безнадежно стонет.
И тишина в виски всю стучит
и мысли рвёт, и в даль куда-то гонит.

Антракт настал в испачканной судьбе
и отдыхает высохшее тело,
что так привыкло к бешеной борьбе.
Глупышка-жизнь такое захотела.

Спасибо ей за эту благодать,
за эту боль, за тишину и скуку.
Я так спешил свою любовь раздать
и получил еще одну разлуку.

Ну, повеи же, повеи, ветерок,
из далекой родной стороны.
И бродяжьей тоскою дорог,
отзовись в перезвоне струны.

Я, конечно, тебе подпою
пересохшим дыханьем своим,
ведь люблю очень песню твою,
хоть никем сам, увы, не любим.

Одинок я, как сорванный лист,
в даль летящий осенней порой.
Путь мой в жизни довольно бугрист,
да и ямы за каждой горой.

Все равно не грущу, веселюсь,
наслаждаясь прохладой ночной,
и совсем утонуть не боюсь
в женской страсти безумно-шаловой.

Я меняю места словно дни,
оставляя там сердца тепло,
и во мне оставляют они
все, что было, что жгло и влекло...

Так повея же, повея, ветерок,
из далекой родной стороны.
Я бродяжьей тоскою продрог,
я устал, я хочу тишины.

Я заболел, как -будто заболел
иль, может быть, внушил себе все это...
Но вот опять, вы видите, он сел
на край кривого в стельку табурета,

безумный взгляд вонзил в мои глаза
и засмеялся леденящим смехом.
– Ты кто? – кричу, а за окном гроза.
Вдруг слышу хрип, – Твоим рожден я грехом-

О боже мой! Неужто грешен я?
Неужто я подобной мрази близок?
Смеется гад, похожий на меня,
– Я твоей жизни вымышленный призрак.

А жизнь твоя одна сплошная муть,
мое лицо – лишь капля этой доли.
Ты славы в блате захотел глотнуть,
Так пей ее теперь вдали от воли.

И потому-то ты сидишь один,
тебе не место средь веселья мая,
где ярких юбок пламенный сатин
трепещет, бедра женщин обнимая.

Теперь ты мой, и я уж подскажу,
чтоб наказали плоть твою пострее —.
– Молчи, подлец! – от ярости дрожу
и размахнувшись бью его по роже.

Он замолчал, закрыл свои глаза,
стал исчезать с каким-то жутким смехом.
– Постой- кричу, а за окном гроза
танцует пляску зла в обнимку с грехом.

Вы так хотели, так хотели вновь
испытать шальную страсть не идиота,
кто свято верит в пылкую любовь
и в чистые сознания патриота.

Не состоял он ни в одной из групп
передовых партийных увлечений,
но с вами был совсем, совсем не груб,
хоть загрубел от прошлых приключений.

Без всяких партий он умел нести
с достоинством мужскую честь скитальца.
А вам супруга надо обрести
и чтоб с кольцом на безымянном пальце.

Вокруг их много: разных, холостых,
труда героев, приверженцев славы.
Они сквозь блеск вещичек золотых
не разглядят изжеванность шалавы.

А вы зачем-то плакали тогда
и умоляли, чтобы он остался...
Прости. Но я ведь не герой труда
и на «доске почета» не болтался.

Мы снова вместе, хоть пока в мечтах,
И беды, что нас ждут, ушли в былое.
И ты, и я уже в иных местах,
Где только лишь любимое, родное...

А может быть, нечаянно я сплю
И вижу это счастье лишь мгновенье?
Пусть так, и эту муку я стерплю,
Хоть и жестоко мыслей дуновенье.

Суровый бред, а жизнь еще сложнее
Во всех своих непрошенных подножках.
Но как понять, что здесь для нас важней
На не заросших от ходьбы дорожках?

Остаться тем, кем был я – вот предел
Моих тоской изжеванных желаний.
Пока я вдалеке от громких дел.
Пока я пленник призрачных скитаний.

Сердце моё стучи,
Грей надеждою кровь,
Мысль моя не молчи,
Сегодня встретил любовь.

Говорить не могу,
Хоть давно мы с тобой
Здесь лежим на стогу,
Слышишь, глаза открой.

Ну, скажи что-нибудь,
Милая, тишь вокруг.
Ты посмелее будь,
Не бойся моих рук.

Обниму я тебя
Дикой страстью своей,
И в ответ ты, любя,
Назовешься моей.

Что потупила взгляд,
Стыд оставь другим.
А рядом деревья молчат,
Мы с тобою молчим.

Вот теперь ты моя,
Вкус медовый твой
Жадно пробовал я,
Прости, что быстрый такой.

Прости, дорогая, меня,
Что женщиной стала ты,
Что юность, сюда заманя,
Сорвала твои цветы.

Запомни же эту ночь,
Грусть в сердце, храня.
Я знаю, родиться дочь,
Похожая на меня.

Тридцать грешных лет спустя,
Прошное своё простя,
Я приехал в город, где крестился.
Здесь, видать, моя судьба.
Так гуляй же, голытьба!
С холостяцкой жизнью я простился.

Разница в шестнадцать лет,
Надо же: какой дуэт.
Привалило счастье оборванцу.
Так живи и не тужи,
Прочь – иные миражи.
Закружились мы в семейном танце.

Вскоре дочка родилась
И Марией назвалась,
Черноглазый смуглый дьяволенок.
Испытанье для семьи
– От «семи» и до «семи»
Плачь и запах сохнувших пеленок.

Я жену увез в Кандры,
В место, но не у Куры,
А по тракту из Уфы в Самару.
Там живет ее родня,
Уважают там меня,
Но мне лучше в тундру иль в Сахару.

Да и деньги ведь нужны

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.